

Лев Александрович Савров

АХ, ЭТА АФРИКА!

12+

Лев Савров
Ах, эта Африка!

«Автор»

1993

Савров Л. А.

Ах, эта Африка! / Л. А. Савров — «Автор», 1993

ПОЛНАЯ и неотцензуренная версия повести о работе, жизни и увлекательных приключениях в одной из африканских стран в середине 60-х годов прошлого века.

© Савров Л. А., 1993

© Автор, 1993

Лев Савров

Ах, эта Африка!

Глава 1: Начало

Над Сахарой сильно качало.

– Витя, а чего она не жёлтая?

– Кто?

– Пустыня.

– Зачем ей быть жёлтой?

– Ну, песок все же... Вот ведь Касабланка действительно белая, оправдывает название.

– По-твоему, Кураповка должна быть забита курами, да?.. Осень у них тут.

Он замолк и сразу опять задремал, а я стал вспоминать, с чего все началось.

Мы учились на четвёртом курсе, когда впервые услышали, что нескольких выпускников нашего факультета уговорили ехать в Африку на преподавательскую работу. Двоих из ребят я хорошо знал: у нас была общая компания. Оставшиеся их жалели – "чудаки, разве можно менять науку на какую-то Африку". Но беспокойная мысль осталась где-то глубоко внутри, запряталась, затаилась и следующей осенью, когда делал дипломную работу, окончательно оформилась под влиянием двух причин: во-первых, выпускники, попавшие в очередной набор, были оставлены на специально созданные курсы изучения иностранного языка, и Валька с нашего этажа каждый вечер часами (для практики, по его словам) с кем-то болтал по телефону бойко по-французски – завидно слушать; во-вторых, приехавшие в отпуск африканские первооткрыватели рассказывали совершенно фантастические истории!.. Я принял решение.

Но оказалось, что вместе со мной такое же решение приняла, по меньшей мере, половина из числа моих однокурсников. Вся наша компания тоже была со мной солидарна, и вот, защитив дипломные проекты, сдав госэкзамены, подписав распределение в разные концы страны, мы ждали вручения дипломов – и Африки! В деканате постоянно дежурил кто-нибудь из наших, остальные дальше столовой не отлучались. Уже с прошлогоднего набора никого не уговаривали, теперь даже объявления не вывешивали, в ответ на вопросы инспектора делали пустые глаза и недоуменно пожимали плечами, однако любимчиков провожали обнадеживающими улыбками – мы удвоили внимание.

Утром двадцать пятого января ко мне в комнату ввалился Костик – он всегда все узнавал первым – и с порога завопил: "Скорее! Запись началась!" Хорошо, что до факультета было только двести метров, можно обойтись без шапки и пальто. Записывали с десяти утра до полудня, записаться успела почти сотня. Через день мы узнали, что министерство прислало на факультет заявку на двадцать пять человек.

Первичный отбор кандидатур был возложен на общественную комиссию содействия распределению, состоявшую из курсовых активистов. В день её заседания я, из принципа, сидел у себя в комнате. Постепенно подтягивались ребята, так что к моменту появления Костика – он уже, конечно, все знал – мы были в сборе. Выяснилось, что в число двадцати пяти никто из нас не попал, и только я оказался в списке пяти человек резерва. "Вот ведь, зачем-то и резерв еще сделали", – вяло подумал я.

– А по каким признакам они отбирали? – спросил Юрий. Костик как будто ждал его вопроса.

– Я, понимаешь, сумел подслушать за дверью всего минут пять, потом меня засекли, а за это время троих разобрали, и тебя в том числе, – объявил он с некоторым злорадством.

– Так чего ты тянешь, рассказывай!

– Называют фамилию "Иванов". Все молчат. Председатель спрашивает: "Кто знает Иванова"? Все молчат. Председатель говорит: "Если никто не знает и не может ничего о нем ска-

зять, тогда что, вычёркиваем"? Кто-то произносит: "Вычёркиваем". Голосуют. Вычеркивают. Потом называют следующего "Петров". Председатель спрашивает: "Кто знает Петрова"? Кто-то отвечает: "Я его знаю, вроде мужик надежный". Председатель говорит: "Оставляем"? Голосуют. Оставляют.

– А про меня-то, про меня как было?

– А когда тебя назвали, – весело объявил Костик, – все немного помолчали, а потом некто сказал: "По-моему, слабоват..."

– Ну и что?

– Ну и вычеркнули!

– Что значит "слабоват"? Как это понять "слабоват"? – загремел Юрий мощным басом с высоты своих ста восьмидесяти семи сантиметров. Мы дружно заржали.

– Ладно, Юрка, не кипятись, – сказал я примирительно. – Судьба играет человеком...

– А сам-то? – прогудел Юрий возмущенно.

– А я играю в футбол, – философски заключил я. – Пошли жрать.

Я действительно играл в футбол за сборную университета. Всем известно, что мяч круглый. Земля, говорят, тоже. Разве ж я знал, что футбольный мяч докрутит меня до Африки!

На следующий день Костик ворвался ко мне, как Хусаинов по ленточке. "Есть новости! – заорал он. – Трёх человек из двадцати пяти забраковали! На их место продвинули из резерва, и тебя в том числе!" Тут уж я не выдержал и сам помчался в деканат, чтобы убедиться. Убедился. Все правильно и уже вывешены списки зачисленных на курсы иностранного языка.

Через несколько лет я случайно услышал, что в числе проверяющих тогда был Стефан Михайлович, а он регулярно "болел" за нашу команду, и будто бы он, читая список резерва, сказал обо мне: "этого я помню, в защите, как зверь" – и внёс меня в основной список. Не знаю, не знаю... похоже на анекдот, но чего на свете не бывает.

Глава 2: Вот мы и на месте

Самолет остановился почти впритык к белому зданию аэровокзала, было четыре пополудни по местному времени. Мы ступили на трап и попали будто в парилку. Сразу взмокли и очень позавидовали дружно махавшим нам руками из-за барьера Гене с Мишеlem: они были одеты уже в шорты, распашонки и босоножки.

По дороге в нашу контору – "главное сейчас – немедленно вас оформить и выдать деньги" – на правах трехдневного старожилы объяснял Гена – я пытался из окна микроавтобуса рассмотреть город, составить хоть какое-то впечатление... и не мог: все мелькало, переливалось разноцветно в глазах. Много зелени, но и пыли тоже, народ не голый, но и не одетый, полно пешеходов и велосипедистов, повсюду жгут костры, готовя пищу, дымят малые и большие свалки, почти нет двух или трёхэтажных домов, и солнце, солнце, солнце... Одновременно воспринимал от ребят слуховую информацию: "... два основных кинотеатра "Вокс" и "Рекс" (ну и названия!), три больших магазина, но куча мелких лавок, в которых чего только нет (а что мне надо?), нищим нельзя подавать, дашь мелочь одному, остальные накинутся и затопчут – их тут десятки на каждом углу (не терплю нищих), стараться не здороваться за руку в толпе – много прокаженных, здесь же проказу не считают заразной (вот только этого и не хватало!), мы живем в "Гранд отеле", а вас поселят за городом в новом мотеле (за городом? зачем? и как добираться в город?), единственный транспорт здесь – такси, и, представляете, без счётчика, по твёрдой цене, за сто монет в любой конец города, а ночью – по двойной цене (ну вот, уже и ночью мотаются, а мы будем где-то за городом), центральный рынок большой, и в каждом районе свои рынки, да и вообще весь город – это рынок, торгуют на всех углах – сами увидите (с детства не люблю рынков), а цены просто бросовые..." – ох, совсем плывет голова!

Наконец приехали, и можно немного придти в себя в кондиционированной комнате. После долгих бухгалтерских процедур мы получили по чемодану местных денег: подъёмные и месячная зарплата вперед, да еще тут не банкноты, а целые простыни. До мотеля ехали два-

дцать минут, и, как потом оказалось, от окраины города до этого места всего-то километр, но пока мы ехали, полностью стемнело – вот первая настоящая неожиданность, почти никаких сумерек. Мотель состоял из нескольких одноэтажных зданий, но действовало только одно, в которое нас и заселили. Номера поражали своими размерами и наличием современного комфорта. С нами прилетело несколько "стариков" из отпуска, вся компания собралась вскоре у Виктора в номере отметить прибытие. Часа через два я вышел в коридор.

Глава 3: Как я её открыл

Даже сейчас, спустя десятилетия, когда я пишу эти строки, я как бы снова и снова стою в том новеньком белостенном коридоре, освещенном люминесцентными лампами, и Африка входит, врывается в меня. Дверь в конце коридора была распахнута в джунгли, а сам коридор выглядел шевелящимся, шелестяще-скрежещущим муравейником; пол, стены, потолок – сплошной ковёр насекомых. Кого только здесь не было! Бабочки перепархивали от лампы к лампе, жуки и жучки деловито переползали со стен на потолок, а затем шлёпались на пол и опять поднимались по стенам. Громадные богомолы застыли в своих настороженных позах, но в их редких движениях проглядывала растерянность: слишком много вокруг было пищи. Муравьи всех типов и размеров сталкивались друг с другом, резво шевеля усиками, ловя новостки от своих и отмахиваясь ножками от чужих. Мохнатые гусеницы целеустремлённо исследовали плинтусы и попадали в паутину, которую длинноногие пауки с остро обрезанными брюшками стремительно плели прямо у дверных ручек. Тысяченожки струились неторопливым движением, звенели комары и кто-то большой и басовитый, разгоняясь в полёте, раз за разом бился со звоном о жестяной держатель лампы дневного света.

Ошеломлённо и медленно побрёл я к выходу на крыльцо, стараясь ступать на цыпочках, но всё равно слыша при каждом шаге "хрусть, хрусть..." толстого хитина. Вышел на крыльцо, вдохнул влажного пахучего воздуха и затих. Обыкновенная стоваттная лампочка над головой выхватывала из темноты стволы и силуэты огромных деревьев, между ними поднималась высокая трава, а дальше явно начиналось болото и, по дуновению ветерка и запахам, угадывалась большая река. Шума было много: трещали цикады, над ухом зудели комары, цвиркали ещё какие-то многочисленные ночные жители, а потом серьёзно заворчалось что-то в болоте, завздыхало, зашлёпало и зачавкало. Минут через пять из-за реки возник рокот там-тамов, знакомый до этого только по кинофильмам и концертам. "Как будто нарочно для меня включились" – подумал я. Воздух был влажен, в меру душен, но значительно более прохладен, чем при заходе солнца. Я понял, нет, не понял, а ощутил всем своим существом, что я действительно в Африке! С этого момента я полюбил её навсегда.

Глава 4: На запад, на запад

От нескольких недель пребывания в столице остались нереальные ощущения. Память выхватывала только отдельные стоп-кадры.

Кадр первый. Мы всей компанией идём пешком рано утром в наше учреждение узнать новости. Такси к мотелю не ходит, и телефона нет, поэтому для нас бесполезно, что на центральной площади города торчит тумба с телефонным аппаратом и красной сигнальной лампочкой, рядом с которой выстраиваются в очередь свободные машины. Набрав номер этой телефонной точки, можно дать адрес вызова шоферу. Номер значится на рекламных плакатах, официальное название площади давно забылось и все именуют её просто "площадь такси".

Мы проходим сквозь рынок. На плохо сколоченных лотках навалены обсиженные мухами груды мяса, овощей, бананов, апельсинов и других экзотических фруктов, названия которых – "гуайява", "папайя", "корасоль" – нам ещё ни о чем не говорят, вкусовые привязанности появятся позже.

– Смотри, Витя, какой большой плод, почти с арбуз размером и весь в колючках вроде кактуса.

– Не на то глазеешь, вниз гляди! Тебя за штанину ухватил уже один ползун, видишь, как у него ноги вывернуты, а на руках пальцев-то совсем нет!

– Бр-р... ну и видик. И вонища жуткая, прямо помойка... идём скорее. Ой! Что это, смотри-ка, у тушки детские ручки! Неужели открыто на рынке продают?!

– С ума сошел! Этого не может быть!.. Да и мясо какое-то чёрное, совсем закончённое. Наберись храбрости и спроси.

– Сам спроси. Володя! Как ты думаешь, это что?

– Чего запаниковали, ребята? Это же обезьяний ряд. Здесь такого добра полным-полно. Эй, приятель, что продаешь?

– Макака, хозяин. Купи быстро. Очень вкусно и дёшево-дёшево.

– Нет, спасибо, в другой раз. Пошли, мужики, скорее, а то не отвяжется, да мы уж и опаздываем.

Кадр второй. Я хочу купить шорты, лёгкую рубашку и босоножки. Сажу в лавку на кресле, куда меня буквально втащил зазывала, вырвав из рук конкурентов-соседей. Владелец стаскивает с меня насквозь пропотевшую сорочку и, вывалив на прилавок более десятка всевозможных рубашек с длинными и короткими рукавами, распаковывает целлофан и надевает на мой липкий торс хрустящие душистые одежды. Одновременно его помощник, стоя на коленях, снимает с меня ботинки и носки и надевает по очереди разные типы шлёпанцев, вьетнамок, мокасин и прочих обувных изделий. В результате выхожу из лавки обалдевшим, нагруженным кучей пакетов и пакетиков. Разбираться буду дома.

Кадр третий. Мы идём по длинному бульвару, справа от меня Виктор, слева Гена с Мишелем. Сзади, взявшись под руки, учительницы, командированные сюда министерством просвещения, весело негромко смеются и поют "неистов и упрям, гори, огонь, гори...". Уже почти полночь, мы идём из посольства пешком, потому что ночь прохладная (градусов двадцать пять) и звёздная, бульвар пустынен, тёмно и тихо, завтра воскресенье, спешить нам некуда. Впрочем, мы уже начинаем постигать, что в Африке не торопятся. Настроение чудесное, потому что посол устроил в честь нашего приезда небольшой коктейль-прием, рассказал нам много интересного во время непринуждённой беседы и такое внимание нам очень приятно. Делясь первыми впечатлениями о городе, людях и своими успехами в практическом применении иностранного языка, незаметно доходим до центральной площади такси, откуда и разъезжаемся по резиденциям; мы с Виктором все ещё в мотеле, который, как оказалось, действительно расположен на самом берегу великой африканской реки. От неё пока никакого другого впечатления, кроме километровой ширины и мутной воды, днём она самая обыкновенная, а ночью опять загадочная, полная какой-то тайной деятельности...

Позавчера нас с Виктором вызвали в офис и объявили, что мы должны срочно ехать через всю страну на западную границу, поскольку тамошний колледж очень в нас нуждается.

И вот узкоколейный экспресс перемещает нас на шестьсот километров от столицы, перемещает в течение суток, останавливаясь только пять или шесть раз в маленьких городках. Десять минут стоянки поезда – это праздник для всей округи. Приходят семьями в выходных нарядах, шумят, жестикулируют, танцуют и поют, ищут знакомых или родственников среди пассажиров, если их нет, то приветствуют всех подряд, желая счастливой дороги, отовариваются в вагоне-ресторане пивом и хлебом и, конечно, торгуют сами. Чем только не торгуют: фруктами и овощами, мясом сырым и приготовленным, живой и битой птицей, орехами, мочалками и калечасами – сосисками из тыкв, тканями, рыбой, ремесленными поделками и еще всякими пока неясными для нас вещами. Каждое вагонное окно в форменной осаде, шум неимоверный. В наше окно въезжает громадная ветка ядрёных жёлтых бананов, из-под неё сверкают веселые глаза с огромными ресницами, лоснящееся как наваксенное лицо, улыбка в сорок зубов, торчащих горизонтально.

– Купи банан, хозяин! Почти даром!

- Сколько?
- Пятьсот монет, себе в убыток.
- Ну да, что я цен не знаю? Я же не миллионер! Больше пятидесяти не дам.
- Ты нигде не найдёшь таких бананов, хозяин. Дай двести, и все дела!
- Так и быть, дам сто, и то только потому, что мой друг любит бананы.
- Сто пятьдесят последняя цена!
- Сто двадцать пять, и конец. Согласен?
- Согласен, ладно. Неси деньги!

Так и говорят "неси деньги", а иногда еще интереснее "веди деньги". Тяжёлая ветка сползает к моим ногам.

– Вот, Витя, видал, как надо торговаться!

– Видал, видал, интересно знать, как ты их все съешь, на ветке сто штук, через полдня ты на них смотреть не сможешь.

Смысл сказанного постепенно доходит до моей разгоряченной головы, смотрю недоуменно на эту громадину на полу. "Ладно, – решаю бодро, – съедим за дорогу сколько сможем, остальное оставим здесь, наверное, не пропадёт".

Глава 5: Приехали

Поезд со скрипом затормозил – привокзальная площадь была мала, пыльна, многолюдна, в сплошных рытвинах и без такси. Никакого другого транспорта не предвиделось, и мы задумчиво стояли около чемоданов. До коротких сумерек оставалось совсем немного времени.

– Могу ли я чем-нибудь помочь вам, джентльмены?

Мы обернулись. Африканец оказался среднего роста, толстым и очень добродушным на вид, одетым в отличный костюм, пеструю рубашку с ярким галстуком и обутым в модные закрытые туфли.

– Мы приехали работать в местный колледж, но, похоже, что нас никто не ждёт.

– Не волнуйтесь, это же Африка! Телеграмма придёт дня через два. А вам нужно к директору Саликенé – он мой друг, живет прямо на территории колледжа. Я вас подвезу, прошу, вот моя повозка!

Повозка, безусловно, не соответствовала дорогам – роскошный "ситроен" последнего выпуска, в который мы и забрались с большим удовольствием.

– Меня зовут Таварá, я управляющий здешним отделением госбанка, приехал из столицы этим же поездом.

Последовали взаимные представления, после чего автомобиль плавно тронулся с места и, переваливаясь по колдобинам, почти расталкивая бампером толпу пешеходов, велосипедистов и мопедистов, выехал на песчаную с глубокими колеями аллею, ограниченную справа насыпью железной дороги, слева – рядом редко стоящих огромных прямоствольных сейб с высокой зонтичной кроной и ребристыми подпорками-утолщениями внизу ствола.

Через полкилометра, преодолев железнодорожный переезд, мы неожиданно попали на асфальтированную улицу и бодро покатали по ней влево, пересекая узкие переулочки, обрамленные глинобитными глухими стенами и низкими домиками.

– Напоминает по книжным описаниям Среднюю Азию, – сказал Виктор.

– Только там не торчат из-за стен пальмы и бананы и в переулках пусто, а здесь, смотри, снуют как муравьи.

Дорога плавно загибалась полукругом, мы переехали длинную улицу, такую широкую, что даже посаженные вдоль все тех же мазанок большие манговые деревья не суживали её. Справа она упиралась опять в железнодорожную насыпь с асфальтом вдоль неё, левый край терялся вдали в песчаной пыльной дымке.

– Бульвар Независимости, – объяснил Тавара, – а мы едем по городскому кольцу, движение по нему одностороннее: от вокзала здесь, а к вокзалу по другому краю вдоль желдороги, удобно, правда?

Мы с готовностью согласились, что это, действительно, удобно, подумав про себя, что при скудности городского автомобильного движения можно ездить не только взад-вперед вдоль любой улицы, но по желанию поперёк и даже кругами.

Как-то незаметно дорога превратилась в узкий туннель между высокими стенами, крепко сложенными в два этажа из глыб песчаника, с бетонными балюстрадами поверху. Через каждые несколько метров в стенах мелькали распахнутые внутрь или запертые на огромные висячие замки ворота и непонятно было что там внутри? – то ли лавки, то ли склады. Во всяком случае, народ так и шнырял туда-сюда, и весьма испуганно жался к стенам (никаких тротуаров не было и в помине), потому что Тавара непрерывно с удовольствием клаксонил – ведь африканцы вообще любят шум, а к автомобильным сиренам испытывают прямо-таки детскую нежность. "Это торговый центр города, – сообщил он, – и шоссе выходит на городской рынок, но мы туда не поедem". И тут же без предупреждения, не включая поворотной мигалки, на полной скорости нырнул перпендикулярно налево в такой же туннель поуже, который метров через сто оказался опять пыльной обычной улочкой с симпатичными каменными виллами за низкими оградами и зелёными стенами веерных пальм и широких банановых листьев. Перед некоторыми домами переплетались заросли кустарников с яркими фиолетовыми цветами на колючих ветках. Улочка уперлась в проволочную сетку, машина ещё раз крутнулась налево и, проехав несколько десятков метров вдоль этой призрачной ограды, остановилась.

– Вот вам колледж, вот дом директора, а вот его семья.

Мы вышли из машины и устали на место нашей будущей работы. Перед нами за сеткой лежала широкая поляна с пологим наклоном вправо к невысоким зелёным зарослям, по-видимому, окаймлявшим ручей. Под редко растущими зонтичными акациями вытянулись несколько приземистых барачков абсолютно унылого вида, с широкими оконными проемами, в которых не было стекол – железные распахнутые ставни скрипели и кое-где хлопали при лёгких порывах вечернего, но ещё горячего ветра. Налево, недалеко от сетки, примостилась крохотная неприглядная избёнка – учительская и кабинет директора, как мы узнали вскоре. Направо, симметрично калиточке, у которой мы стояли, торчал каменный жилой дом. У крыльца горел костерок, на нём кипело в кастрюле какое-то варево, около сидела на корточках африканка в национальной блузке и многослойно обёрнутом вокруг стана куске ткани, возле бегали голые и полуголые детишки разного возраста, сосчитать их сразу было затруднительно. Женщина легко выпрямилась и подошла к нам здороваться.

– Это Мария, жена директора и преподаватель истории и географии в колледже, – сказал Тавара.

– Мадам, – представились мы.

– Как жаль, что Саликене сейчас где-то в городе. Добро пожаловать, очень хорошо, что вы приехали, нам так нужны преподаватели.

Странно было слышать очень правильную литературную речь от босоногой чёрной женщины, пропахшей запахами костра и пищи, за подол которой уже цеплялось несколько пыльных голопузиков.

– Что же нам сейчас делать?

– Я думаю, месье Тавара будет так любезен и отвезет вас в гостиницу, а как только муж вернётся, я пришлю его к вам.

– Точно, к господину Ламé, – согласился весело Тавара, – всё равно вам там сегодня ночевать.

И мы двинули в гостиницу.

Глава 6: Веселая ночь

На рынок мы всё же попали, но в наступившей темноте его, конечно, не увидели, да как потом оказалось, и смотреть там было не на что. Вывернули опять по единственному асфальтовому кольцу, но теперь в сторону вокзала. Уехали, однако, недалеко. Слева возникла всё та же железнодорожная насыпь, машина, оставив позади тёмный перекрёсток с бензоколонкой, остановилась у чего-то большого и массивного. Ни одной лампочки снаружи, в центре распахнуты ворота, за ними туннель, ведущий неизвестно куда, справа от ворот две приоткрытые двустворчатые двери, сквозь них видно освещённое пространство большой комнаты со столиками и баром на заднем плане.

Неожиданно рядом с воротами открылась настезь невидимая до того в темноте маленькая дверь и на пороге в осветившемся проеме возникла невысокая, хромающая на левую ногу, пухлая фигура, одетая в типичный тропический костюм – легкие брюки и нагольный коротко-рукавный пиджак без подкладки и обутая в шлепанцы. Фигура вблизи оказалась старым французом с полным одутловатым лицом, коротко подстриженными седыми жесткими волосами, быстрой манерой речи и излишней жестикуляцией. Мы тут же про себя окрестили его "осколком колониализма" и время показало, что не ошиблись.

– Добро пожаловать, господа, добро пожаловать, – затарахтел он. – А, господин Тавара, с возвращением, кого это вы привезли к старому Ламе? Как! Русские? Из Москвы! Так у меня же каждую неделю ночуют русские лётчики, один здоровенный такой, за обедом два литра вина выпивает! В колледж преподавать? Замечательно, у меня уже живет ваш французский коллега, вы его за ужином увидите, я уверен, что и вы у меня жить останетесь, в этом городе нет места лучше, чем у старого Ламе, не так ли, господин Тавара? Эй, Самба, Садьб, где вы там, быстро сюда, хватайте багаж профессоров, тащите чемоданы наверх! Я вам, господа, выделю мои лучшие апартаменты, трёхкомнатную квартиру со всеми удобствами и отдельным входом, второй этаж, свежий воздух, тишина, ха-ха! Вы будете довольны. Умывайтесь с дороги, примите душ – у меня лучший душ во всём городе – и вниз, вниз, ужинать...

Набежали Самба, Садьб и еще какие-то, поволокли наши чемоданы сквозь туннель в темноту и мы, едва успев поблагодарить любезного Тавару, почти оглушенные речевым потоком хозяина, потрусили следом за виртуозами сервиса по проходу, затем направо по темнущему тенистому двору и налетели на какой-то парапет, но в этот момент наверху вспыхнула лампочка, осветив широкую каменную двухмаршевую лестницу с монументальными перилами по обеим сторонам, по которой мы и начали восхождение к своему первому ночлегу в этом, затерянном в западноафриканской саванне, городке.

Лестница вывела нас на террасу, на которой стоял как бы второй дом – поуже. Мы прошли направо, проникли в калиточку, оставленную в глухой невысокой, по пояс, стенке, перегороживавшей террасу поперёк от парапета до стены дома, и, пройдя мимо двух больших закрытых двустворчатых дверей, увидели третью, распахнутую, и вошли в освещённую гулкую неуютную комнату, куда Самба, Садьб и компания уже забросили наши чемоданы. Это, несомненно, была спальная, ибо внутри стояли две кровати. Окон не было. В стене дыра для кондиционера без кондиционера. К ножкам кроватей приделаны длинные палки. Направо взору открывалась комната-ниша туалетно-душевого назначения. Кафельный пол был с заметным наклоном в дальний левый угол, где темнела решетка сливного отверстия. "Вот хорошо, что решетка, – подумал я, – а то в такую дыру не только змея, целый бегемот пролезет". Сверху точно посередине спускалась с потолка водопроводная труба, увенчанная душевой лейкой размером с суповую миску. Справа перед маленьким окном скособочился умывальник, в раковину которого я мог бы при желании сесть целиком. В дальнем правом углу скромно и сиротливо примостился подтёчный унитаз без крышки сливного бачка наверху. По длине трубы и ржавости цепи я сразу понял, что этот агрегат так будет рычать в действии, что ночью услышит весь квартал.

Пока мы оглядывались, изучая внутренность толстостенного сооружения, на террасе вновь послышался топот босых ног – примчалась уже известная компания с бельём в руках и

дружно начала крутиться около кроватей: один застилал простыни, другой натягивал кишкообразные наволочки на подголовные валики, третий привязывал противомоскитные сетки к тем самым длинным палкам, назначение которых показалось нам вначале непонятным. Быстро закончив все несложные операции и вежливо поприветствовав нас, они утоптали вниз. Мы приняли душ, который оказался действительно хорошим – толстые струи хлестали, как из ведра, и вода быстро стекала по полу в угловое отверстие, переоделись и, проделав длинный путь, добрались до обеденного зала. Назвать это помещение рестораном было бы большим преувеличением, хотя позади стойки бара на настенных полках стояли несколько разноцветных бутылок, а столики были покрыты неопределённого цвета скатертями. Скорее всего, напрашивалось слово "харчевня".

Все столики были свободны, кроме одного, за которым сидел примерно нашего возраста молодой человек, темноволосый, тёмноглазый, в шортах, распашонке и сандалиях на босу ногу. Поднявшись навстречу нам, он оказался маленького роста, но крепкого сложения.

– Рожэ, – представился он, – преподаю французский язык и литературу в колледже.

Мы сразу прониклись взаимной симпатией и сели вместе за тот же столик. Меню было вполне сносным, хотя Виктору не понравился чечевичный суп. После ужина к нам присоединился владелец гостиницы, Самба вытащил на улицу, на площадку перед залом, четыре кресла, снабдил каждого холодной бутылкой «кока-колы», и мы начали первый из бесконечных провинциальных африканских вечеров; до полуночи ещё было далеко, но из-за темноты и тишины казалось, что вот-вот наступит утро.

Примерно через час появился директор колледжа. Он появился из малолитражного автомобиля, вынырнувшего из темноты и остановившегося почти у наших ног. Высокая стройная фигура в белом мусульманском балахоне долго и осторожно выбиралась наружу сквозь узкую и низкую дверцу. Мы познакомились. Он сказал, что заедет завтра утром за нами и повезёт в колледж, затем попрощался, ввинтился в свою малолитражку, после некоторых усилий оживил упрямый двигатель и уехал.

Мы сидели и молчали. Было тихо, никаких автомобилей не возникало на асфальте перед нами, никаких пешеходов, а насыпь, горбатившаяся сразу за дорогой, полностью съедала перспективу, поэтому вокруг казалось еще темнее и думалось, что сидишь на дне оврага. Лампочка на стене над нами мешала видеть звёзды, я встал и прогулялся в сторону, в темноту, чтобы полюбоваться ими, крупными и яркими, некоторые из созвездий были знакомы. Когда вернулся на место, где-то в отдалении возник уже знакомый, но ещё не привычный ритм там-тамов.

– Что это? – спросил Виктор.

– Танцуют, – ответил, зевая, господин Ламе.

– А где?

– Где-нибудь в кварталах.

– И часто?

– Да каждый вечер... Их на работу не загонишь, ну а плясать всегда готовы.

Мы неловко помолчали.

– Пора спать, – сказал "осколок колониализма", – мы здесь живем по солнышку. Спокойной ночи.

Он поднялся и заковылял к своей двери. Самба уже громыхал засовами дверей обеденного зала. Ничего не оставалось делать, как подняться и погрузиться в темноту туннеля. Но тут Роже вынул из кармана и включил фонарик.

– Вещь первой необходимости в Африке, – объяснил он. – Моё помещение здесь, вся левая от прохода часть первого этажа, две комнаты, ванная, кухня, вход отдельный со двора.

Он пожелал нам доброй ночи и вежливо посветил фонариком, пока мы не добрались до подножия нашей "царской" лестницы. Лампочка наверху светила как далекая звёздочка.

Поднявшись наверх, мы четко ощутили, что совсем одни на втором этаже, на этих террасах с их тёмными углами и бесконечными парапетами, под угрюмыми навесами крыш и шевелящимися листьями огромных деревьев во дворе. Неожиданно и бесшумно сквозь световой конус проскочила летучая мышь, потом вторая, а может быть эта же самая.

– Надо б лампочку повесить – денег всё не соберем, – преувеличенно громко провозгласил я. – Чего он фонарь во дворе не сделает?

– Экономит, – ответил Виктор.

Мы быстро проскользнули к дверям спальни, и я немедленно щёлкнул выключателем.

– Да будет свет! Ах, как хорошо.

– Ага, – ответил Виктор, доставая из чемодана мощный фонарь, приобретенный ещё в столице.

С этого момента я никогда не видел его без фонаря после наступления темноты.

Через несколько минут я почувствовал, что усталость после длинной дороги и новые впечатления дают себя знать.

– Хочется в горизонтальное положение, – объявил я.

– Пора, – сказал он.

– Без кондиционера и при закрытых дверях мы тут задохнемся, ночь-то вовсе не прохладная.

– Это точно.

– Может, снимем эти сетки?

– Съедят.

– Кто?

– Комары. Ты что, не ощущаешь?

Тут до меня дошло, что я уже давно автоматически расчёсываю укушенные места на лодыжках и локтях.

– Н-да, ощущаю... Придётся оставить двери открытыми. Ну ничего, я слышал, как Самба зачинил ворота туннеля, а они железные и закупоривают проход под самый верх.

– Нужны им ворота...

– И заборы здесь вроде высокие.

– Страшны им заборы...

– Калитку я тоже запер.

– Важна им эта калиточка...

– Да кому «им»?

– Не знаю...

– Всё равно, у нас нет выбора, жара здесь чёрт знает какая. Нырнем?

– Угу.

Я полез под мою сеть. Виктор выключил свет, прошлепал с фонарём к своей кровати и тоже угнездился. Было действительно жарко, я сразу же отбросил верхнюю простынь и, тем не менее, тут же начал потеть. Через несколько минут снаружи противно зазудели, потом зазвенели, потом злобно завизжали комары. «А, голубчики! – подумал я. – Не нравится, не пролезть». И стал засыпать. И заснул.

И довольно быстро проснулся. Что-то было не так. Темнота жуткая. Ветра нет, снаружи ничего не шевелится. Что же меня разбудило? Шаги? Да, вроде шаги. Или когти где-то скребли? Да, и когти, кажется. Но всё-таки, во-первых, шаги.

– Виктор, – осторожно и тихо позвал я, – ты спишь?

– Проснулся.

– Отчего?

– Кто-то дышит.

– Как дышит, где дышит?

- Не знаю.
- Включи-ка фонарь!
- Не хочется...
- А, по-моему, меня разбудили шаги.
- Тс-с!.. Вот, опять дышит!

Действительно, дышит. И не один. А откуда, не поймёшь. Вдруг наверху послышались шаги.

- Слышишь, кто-то ходит!
- Слышу... Чего ему там делать?
- Не знаю... А дышат из-под твоей кровати.
- Нет, из-под твоей, я точно слышу.
- Включи фонарь!
- Не хочется...
- Да мы так от страха сдохнем! Направляй фонарь под мою кровать и включай!
- Ладно.

Вспыхнул луч света, я сел на кровати и начал подпрыгивать, сидя, и из-под неё полезли собаки, штук пять или шесть! Мы закричали на них, захрюкали, заулюлюкали и тогда из-под кровати Виктора выскочили еще штуки три и, поджав хвосты, кинулись за остальными, стуча когтями по цементной террасе. Мы долго не могли придти в себя от изумления и потрясения, даже смеяться не хотелось. Потом успокоились, легли и выключили фонарь.

Через несколько минут опять кто-то громко задышал.

- Нет, ну это просто невозможно!
- Откуда он дышит?
- Да не знаю я...

Посветили под кроватью – никого, по углам – никого, сквозь двери на террасу – никого, на потолок и в душевую – никого. Выключили фонарь, полежали – опять дышит. Потом шаги по чердаку... и вдруг громкое шипение!

- Змея!
- Откуда здесь змея?.. И они не шипят так громко.
- Почём ты знаешь?
- Я читал.
- Читал, читал... Читатель... Вставай, пошли искать.
- С ума сошел! Я боюсь!
- Я тоже... Где-то в шкафу видел палку... Пошли!

Он вылез с фонарём из-под сетки, пришлось и мне. Мы включили свет везде, где могли, нашли палку и облазали все углы спальни, душевой, смежной комнаты и прилегающих к ним террас. Никого!

- Интересно, спит ли Роже? Мы над ним такой тарарам подняли, мёртвый вскочит.
- Завтра узнаешь.
- Ну что, выключаем и залезаем опять?
- А что делать?

Мы залезли и погрузились в темноту. Через пару минут снова кто-то затоптался наверху, задышал, потом непонятно откуда раздалось шипение.

– Сволочь! – с чувством выразился Виктор. – В гробу я его видел, пусть ходит, дышит и шипит! Последний раз я в этом отеле!

В конце концов, мы заснули.

Глава 7: Осваиваемся

Всё-таки мы остались жить именно в отеле. Саликене предложил нам на выбор три дома в центре города, один из них двухэтажный, но выглядели они до того запущенными и грязными,

что мы не почувствовали необходимого прилива энергии для новоселья. Кроме того, вокруг только камень, камень, камень...

Отель же при свете дня смотрелся совсем иначе: это был целый квартал зелени, ограниченный неправильным многоугольником сооружений; сначала само основное Г-образное здание гостиницы, монолитное на первом этаже, с разнообразными надстройками и обширными террасами на втором, затем глухая высоченная каменная стена, которая дважды поворачивала, следуя кривоколенному пыльному переулку, и замыкавший эту цепь ошеломляющих размеров совершенно пустой ангар, куда можно было бы загнать три или четыре ИЛ-18. Самба рассказал мне однажды по секрету, что до независимости месье Ламе принадлежала добрая половина города, и этот ангар был всегда полон машин, оборудования и товаров.

Внутренняя территория – даже совестно называть её двором – затенялась полностью стройными сейбами, раскидистыми манговыми деревьями и изящными пальмами. Переплеталось много кустарниковых растений и лиан, по которым постоянно порхало разнообразное разноцветье птиц, из которых я мог сразу узнать лишь зелёных попугаев и африканских ткачиков, первых – по характерному виду и крику, последних – за их сходство с нашими воробьями. Под манго стояло несколько столиков с удобными креслами вокруг них. Никакого шума, ни пыли с улиц не проникало сюда. Все наши внутренние террасы второго этажа были составной частью этого зелёного рая.

Назавтра после ужина Роже поднялся к нам на террасу, и мы втроем устроились в креслах, задрав ноги на парапет, с бутылками пива в руках.

– Какая у вас нагрузка? – спросил он.

– По восемнадцать часов в неделю, – ответил я.

– У меня двадцать... А расписание?

– Всё с утра и до полудня.

– Очень удобно, но, похоже, нет времени для покупок и готовки, пропадает послеобеденная сиеста и вечер.

Дело в том, что местное население спало или лежало в тени между половиной первого и половиной четвертого пополудни ежедневно и всегда. Жизнь в это время замирала полностью: очень жарко было. Перспектива возни на кухне в такой момент, а другого, свободного времени не предвиделось, вызывала чисто физическое отвращение.

– Ну, жильё нам колледж оплатит, – сказал Роже, – однако столоваться у Ламе и пользоваться услугами его команды для уборки и стирки вылетит в треть месячной зарплаты, а может и больше.

– Многовато, – заметил Виктор.

– Что же делать? – спросил я.

– Надо брать повара, – ответил Роже, – который бы и убирал тоже. Это обойдётся гораздо дешевле. Все наши так делают. Да и кухня у вас очень удобно расположена.

– Пожалуй, стоит попробовать, – согласились мы.

Кухня наша, действительно, была удобно расположена. Она представляла собой каменную будку, отдельно стоящую в углу на стыке двух террас, оборудованную мойкой, газовой плитой от баллона и кладовкой. А столовая была огромной изолированной комнатой с четырьмя дверями на обе стороны, выходящими на внутреннюю и наружную террасы, запахи из кухни туда не проникали.

К моему великому неудовольствию открытым голосованием два против одного завхозом и казначеем выбрали меня. И начались двухнедельные мучения: каким-то образом весь город быстро узнал, что нам нужен повар, и оказалось, что население состоит, главным образом, из поваров. Ну, тех, кто без письменных рекомендаций, я отправлял быстро, сложнее пришлось разбираться в бумагах, часто составленных наспех и неряшливо. "Раньше здесь было много белых, теперь они почти все уехали, некоторые быстро-быстро, – объяснял мне Самба, который

работал у нашего "осколка колониализма" главным поваром. – Они не хотели давать характеристики своим слугам, вот ребята потом сами диктовали писарям". Этим писарей я уже видел, они весь день тесной гурьбой сидели за самодельными переносными столиками перед главными воротами почтового двора и, почти не слушая выразительно излагавших свои мысли сидевших перед ними на корточках очередных неграмотных клиентов, быстро и неразборчиво строчили шариковыми авторучками на грязных листах дешевой и тонкой бумаги... Так что смотрел я только машинописные рекомендации.

Первым на испытательный срок взяли Омара. Три дня у меня с ним всё шло весело и одинаково; утром первого дня я спросил:

– Омар, ты можешь приготовить на обед овощной суп?

– Конечно, хозяин, давайте денег, я куплю овощей.

В обед он подал на стол какую-то бурду неопределенно-подозрительного цвета. Попробовали. Роже смаковал, мы с Виктором положили ложки.

– Омар!

– Да, хозяин.

– Что это такое?

– Овощной суп, хозяин.

– Какой это овощной суп? Пюре безвкусное.

– Там всё есть: картошка, морковь, капуста, фасоль, лук, всё-всё.

– Да где это всё-всё? Ни вкуса, ни запаха.

– Тут внутри, хозяин, я всё-всё протер.

– А кто тебя просил протирать?

– Никто не просил, я сам. Так всегда делают овощной суп.

Роже улыбался, Виктор хмурился...

На следующий день во время завтрака я сказал:

– Омар, мы хотим сегодня овощной суп, но не такой, как вчера. Ты сделай бульон, потом почисти и нарежь дольками овощи и свари их в этом бульоне. Всё понял?

– Конечно, хозяин! Давайте денег, я куплю овощей.

В обед он торжественно внёс в столовую большую кастрюлю. Сняли крышку – опять пюре-бурда.

– Омар!!

– Я здесь, хозяин.

– Это что такое?

– Овощной суп... как вы заказывали...

– Да ты что, не помнишь? Расскажи, как ты его делал.

– Ну, приготовил бульон, не стал варить овощи целиком, а почистил их и нарезал, как вы говорили...

– А потом?

– А потом сварил их...

– И?

– И протёр...

Роже хохотал, у Виктора на скулах набухли желваки: он очень любил овощной суп и за месяц нашей африканской жизни ни разу его не попробовал, потому что в столице мы ели в ресторане, где вообще никогда никакого первого блюда не подавалось.

Утром третьего дня я растолковывал Омару на кухне:

– Сделай нам овощной суп так: приготовь бульон, почисти овощи, нарежь их дольками и сложи отдельно; вари картошку и морковь вместе полчаса, капусту и фасоль отдельно двадцать минут; потом отцеди воду, сложи все сваренные овощи в бульон, добавь луку и травок и доведи до кипения. Понял?

– Всё понял, хозяин. Давайте денег, я куплю овощей.

Наступило время обеда.

– Ну, Роже, сегодня ты, наконец, попробуешь овощной суп по-русски, называется селянский.

– Тре бьен, я люблю пробовать новое.

Открываю крышку – опять бурда! Мне захотелось плакать.

– Я же тебе объяснил!..

– Всё делал, как вы сказали, хозяин. Все овощи сварил отдельно, потом отцедил и сложил в бульон, добавил луку и травок...

– Ну?

– Ну и протёр с бульоном...

Роже от смеха упал со стула, у него по щекам текли слёзы. У меня почти тоже, но от злости.

– Мерд! – сказал Виктор с отвращением, вставая из-за стола.

Хорошее французское слово "мерд", очень емкое.

Утром четвёртого дня я произвел несложные арифметические подсчеты и обнаружил, что за это время Омар обсчитал нас на стоимости продуктов процентов на тридцать. Пришлось срочно с ним расстаться.

Вторым был Мустафа. Он не приворовывал, а может быть просто не успел, потому что был таким грязнулей, что мы вытерпели только сутки, не понравилось нам жаркое из мух и тараканов. Третьего и четвертого я совсем не запомнил, до того они оказались невыразительными. Дополнительной проблемой для нас было избавиться от хождения на рынок за мясом, овощами и фруктами, ибо бакалейные товары мы покупали оптом в лавке у наших друзей-ливанцев.

Наконец появился Алассан, и тут наши хозяйственные заботы разом закончились. Он был очень чистоплотным, всегда опрятно одетым, улыбчивым веселым сорокапятилетним мужчиной, скрупулезной честности и родительской заботливости. Жил он с женой и пятью детьми в небольшом глинобитном домике на дальней окраине города. После успешного окончания испытательного срока первое, что он сделал – попросил аванс и купил велосипед. "Я хочу утром быстро добираться, чтобы у вас на столе за завтраком был всегда горячий кофе", – объяснил он серьезно. Даже Виктор заулыбался.

Глава 8: Немного о месте действия

Наш городок, оказывается, затерялся в весьма важном стратегическом месте саванны – на стыке границ трёх государств и на пересечении трансафриканской железной дороги с большой рекой. Поэтому жизнь здесь кипела. Коренного населения насчитывалось около тридцати тысяч, европейцев и других белых обитателей к этому времени осталось не более двадцати пяти человек, так что все друг друга хорошо знали и образовали как бы землячество. Немудрено, что и африканское население было осведомлено о каждом нашем шаге.

В городе выделялись три стихийных центра деловой и общественной активности: два постоянных и один временный. Временный – это вокзал в момент стоянки "экспресса", раз в сутки в течение часа, поскольку станция считалась пограничной. Остальное время дня и ночи тут властвовало мёртвое царство. Первым постоянным центром следует назвать, конечно, городской рынок, который функционировал без выходных и праздников с шести утра почти до полуночи при свете керосиновых ламп после захода солнца. Там правило весёлое столпотворение, прерываемое всеобщим ленивым симпозиумом в тени во время послеобеденной сиесты. Продавцов было в несколько раз больше, чем покупателей, любимая поза торговца – лежание на боку, торговки – сидение на корточках. По неписанным законам за любую покупку нужно было торговаться. Обычно покупатель и продавец делали это весело и яростно, с выразительной жестикуляцией и демонстративным обращением к свидетелям, расходясь вроде бы оконча-

тельно по несколько раз. У Виктора открылся замечательный талант – он своим флегматичным терпением мог что называется "дожать" самых несговорчивых. Особенно ловко ему удавался приём по сталкиванию конкурирующих торговцев. Вскоре на рынке его очень зауважали.

Вторым постоянно действующим общественным местом, особенно в дневное время, была река. Она была хороша: широкая, хотя и мелкая в районе города, с живописными берегами, торчащими повсюду из воды скалами, камнями и бурлящими протоками между ними, с необъятными песчаными отмелями и косами, с высывающимися на поверхность верхушками кустов в местах тихих прибрежных заводей. Большие пассажирские и маленькие рыбацьи пироги сновали по ней непрерывно, лодочники на больших пирогах выделяли чудеса эквилибристики с шестами, втыкая их в дно и бегая по длинным бортовым доскам с проворством обезьян от носа к корме и обратно. Как-то один из парней все-таки зазевался, пирога ушла из-под него, и он повис на шесте, громко воя и постепенно сползая в воду. Его напарник и не думал тормозить лодку, а, сидя на корме, громово хохотал, показывая на несчастного пальцем, пока сам не опрокинулся от смеха в воду вместе с шестом, лежавшим у него поперек колен. Предоставленная самой себе, пирога медленно задрейфовала по течению. Пришлось пассажирам, в большинстве состоящим из дебелих матрон в навёрнутых вокруг телес разноцветных тканях, погружаться в воду и брести к берегу, благо до него было недалеко. Пока они добивались до суши, на этом месте уже собралась окружившая двух молодцов-мокрецов улюлюкающая, смеющаяся толпа человек в двести, предвкушающая скандал, который и не замедлил разразиться. Кричали одновременно все, хлопали себя ладонями по груди, коленям и бедрам, воздевали руки к небу, простирали их в стороны, апеллировали к наслаждающейся публике, но не серьёзно, а совершенно очевидно для собственного удовольствия и развлечения: в движениях действующих лиц не было заметно и признака злобы. Потом последовала торжественная церемония возвращения денег за несостоявшуюся переправу, потом все долго ловили пирогу, в общем, народное кино.

Только рыболовы в маленьких пирогах невозмутимо продолжали свое бесконечное кропотливое дело – бросали и вытаскивали сети. Тут не до шуток, за день так набросаешься, помереть можно. Сеть представляет собой круглый парашют, её надо раскрутить над головой и бросить так, чтобы она точно раскрылась на поверхности воды и пошла вглубь под действием симметрично привязанных к внешнему обводу грузов. Она не поддевает рыбу, а накрывает её, прижимая ко дну, при медленном вытаскивании сеть схлопывается. Всё это происходит на быстрине и сидящий на корме гребец с веслом должен удерживать пирогу на месте – адский труд, требующий виртуозной техники.

С утра и до захода солнца женщины и девушки со всего города стирали и сушили тут же на песке белье и одежды, вокруг купалась мелкота – их дети, братья и сестры. Почти все обнажены до пояса, а многие и совсем раздеты, лоснящаяся на солнце мокрая разных оттенков темная кожа, у молодых прекрасные стройные фигуры, на старых часто просто страшно смотреть, а старые – это уже после тридцати, к такому рубежу обычно местная женщина родила уже десять, двенадцать детей. На нас не обращалось вроде бы никакого внимания, когда мы без кино и фотоаппаратов, но потребовалась определённое время и дипломатия, чтобы они привыкли к съёмкам; дети же норовили влезть прямо в объектив.

Большим украшением реки и города был мост, связывающий северную окраину с основной, южной частью. Замечательный мост, примерно полукилометровая низкая дамба из камней, связанных цементом, покрытая сверху слоем бетона, с одним центральным тридцатиметровым пролетом, отстоящим не более метра от поверхности реки, сквозь который вода и прорывалась с бешеной скоростью. Мостом пользовались, естественно, во время восьмимесячной засухи, а в сезон дождей он исчезал под водой полностью со всеми отмелями и скалами, потому что река вздувалась метров на семь-восемь. Помнится, стояли как-то с Виктором, облокотясь на перила, когда вода ещё только начинала заливать насыпь, и поток так и норо-

вил оторвать ноги. Мимо величественными океанскими лайнерами проплывали грузовики, торпедными катерами расфуфыривали водяные усы легковушки, акулами сновали мотоциклисты, как канатоходцы балансировали пешеходы. Африканки традиционно обнажаются сверху: голые колени показывать неприлично.

– Смотри, Витя, какие ножки идут и явно тебе подмигивают.

– Ножки, ляжки... Куда ты вечно башку вертишь, вон лучше направо погляди.

– Ну, это просто немыслимо!

А немыслимое представляло из себя велосипедиста, двумя руками вцепившегося в руль и везшего на голове три(!) двуспальных матраса.

Глава 9: Ришко и автомобиль

Начались занятия. Иностраннный корпус преподавателей колледжа состоял из пяти человек: нас и трёх французов. Кроме Роже, в эту тройку входила Сюзанна – некрасивая двадцатичетырехлетняя девушка с длинным носом и огромными коричневыми ласковыми глазами на худощавом асимметричном лице, ставшая быстро всем нам добрым товарищем, и тихий пьяница Леру – пятидесятилетний мужчина, примечательный своим мясистым красным носом в склеротических прожилках и удивительной готовностью в любое время принять участие в загородных пикниках и вечерних посиделках, во время которых он резервировал себе приятную и спокойную обязанность – молча подливать в стаканы всем, начиная с себя.

Вечером первого дня нашей гостиничной жизни мы с Виктором сидели в креслах на террасе, любуясь предзакатными красками и одновременно глаза сквозь парпет вниз на снующий по улице люд. К воротам отеля подъехал автофургон, знаменитая французская консервная банка марки "Ситроен-две лошади", из которого ловко и быстро выбрался среднего роста европеец с коротко подстриженными волосами на крупной голове, гладковыбритым умного и делового вида лицом, крепкого сложения. Он был одет только в бежевые шорты и обут в шлёпанцы местного производства, тело его покрывал ровный коричневый загар. Сразу углядев наши головы наверху, он приветливо помахал нам рукой и четкой спортивной походкой проник в туннель. Мы едва успели выбраться из кресел, как его лёгкие шаги уже слышались на внутренней террасе.

– Здравствуйте, – сказал он по-русски с типичным западнославянским акцентом. – Я Рихард, для друзей – Ришко. Как хорошо, что вы приехали. Я из Чехословакии, работаю здесь начальником аэропорта. Если вы не заняты, поехали ко мне, покажу наш международный узел.

Мы, конечно, не были заняты и, захватив Роже, поехали в международный аэропорт. На краю города, за вокзалом, в саванне была расчищена площадка и уложена бетонная полоса, достаточная для самолетов типа ИЛ-14. Сбоку стоял сарай, похожий на дом, или дом, похожий на сарай. Рядом с сараем торчал шест с полосатым конусом.

– Я тут один во всех лицах, – объяснял Ришко, – начальник, диспетчер, радист, кассир и весь прочий персонал. Летают сюда два раза в неделю ваши ребята на АН-2, такие хорошие ребята. А вон там я живу.

Узкая дорожка вела через кукурузное поле в небольшую рощицу, где стояла добротная вилла. Мы вошли в холл, там было уютно и удобно.

– Я буду весь год жить теперь один, – сказал Ришко, – семью только что отправил домой.

Вот так образовалась дружная компания и у нас появился второй дом, в котором мы проводили почти столько же времени, сколько в своем. Ришко знал всех и вся в городе и округе, благодаря чему мы быстро почувствовали себя так, будто жили здесь уже сто лет.

– Мужики! – сказал он нам через несколько дней. – Вам нужен свой автомобиль. Независимость и мобильность – великое дело.

– Я только об этом и думаю, – объявил я.

Роже принял идею сдержанно, Виктор скептически, хотя оба были согласны, что независимость и мобильность, действительно, великое дело.

– До колледжа пешком восемь минут, – заметил Роже.

– До рынка и центра города – пять, – поддержал его Виктор, – до реки вообще три минуты ходьбы.

– А рыбалка, охота, путешествия, гости? До Ришкиного дома пять км, что нам всегда ждать, когда он придет? Да у него одно пассажирское место, сидеть остальным в этом фургоне чёрт знает на чем! Нет, надо брать!

– Что брать и где брать? – съехидничал Виктор. – Ты же видишь, в городе все машины только на свалку годны, а не на продажу.

Он был прав. Позавчера мы взяли напрокат машину у местного таксиста, поскольку у Роже были водительские права, и поехали за город. Обрато вернулись на буксире, ибо через два километра просто отвалился рычаг скоростей.

– Нет, если покупать, то в столице, – сказал Ришко. – Я слышал, что кто-то из моих земляков на днях уезжает и продает авто. Завтра еду в командировку, могу все узнать.

Так и решили.

Через три дня он вернулся.

– Мужики, нормальная машина. Подержанная, конечно, но наши ухаживали за ней тщательно. Марка "Рено-четыре лошади", малолитражка, двигатель сзади, с водяным охлаждением. Цена девяносто тысяч.

Мы переглянулись: как раз месячная зарплата.

– Берём на троих? – предложил я.

– Берём, – сказали мужики.

Через неделю нам её прислали на железнодорожной платформе. Она оказалась такой маленькой, как старый "Запорожец", и сразу мне понравилась. Виктору было всё равно, а Роже почему-то испытывал к ней отвращение, он так ни разу и не сел за руль, сколько я ему не предлагал.

Я раньше не водил машины. Ришко привез меня на взлётную полосу, показал, как переключать скорости, дал несколько практических советов и вылез наружу.

– Смотри, не улети, – сказал он серьезно. – В саванне очень трудно ориентироваться без навигационных приборов.

– А ты иди в рубку на радиопеленг, – огрызнулся немедленно я и поехал.

После двухчасовой практики на аэродроме двинул нахально в город и думаю, что куры, собаки и овцы надолго запомнили этот день, ибо ускользнуть из-под колёс им удавалось чудом. Но обошлось без жертв, и в сумерках я гордо подъехал к нашему туннелю. Сверху смотрели Роже и Виктор, из ресторана высыпала обычная обслуживающая компания, откуда-то из-за угла приковылял Ламе, в общем, недостатка в зрителях не ощущалось. Въезжать было немножко в горку, я поосторожничал, мотор начал захлёбываться, я судорожно даванул на педаль газа, машина бросилась рывком вперед и правым крылом врезалась в створку ворот. Эффект был полным.

Фара каким-то образом уцелела. Назавтра мы с Ришко вручную выправили крыло и кистью покрасили его немного не в тон, после чего машина приобрела залихватский подмигивающий вид. Больше аварий у меня, тьфу-тьфу, не было.

Глава 10: Будни

– Сегодня твоя очередь идти на почту, – заявил Виктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.